

Морозов Андрей Викторович

**ПРОТЕКЦИОНИЗМ И КУМОВСТВО: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ТРУДОУСТРОЙСТВА
БЕЗРАБОТНЫХ В 1920-Е ГГ. В ТАТАРСТАНЕ**

В статье рассмотрены неформальные практики трудоустройства безработных в 1920-е гг. в Татарстане. Главное внимание уделено изучению специфики феномена протекционизма и кумовства и его влияния на самочувствие рабочего класса в период нэпа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/38.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 139-144. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)084.4/084.5+364.23

В статье рассмотрены неформальные практики трудоустройства безработных в 1920-е гг. в Татарстане. Главное внимание уделено изучению специфики феномена протекционизма и кумовства и его влияния на самочувствие рабочего класса в период нэпа.

Ключевые слова и фразы: безработица; безработные; трудоустройство безработных; биржа труда; протекционизм; кумовство.

Андрей Викторович Морозов, к.и.н., доцент

Кафедра социальной работы, педагогики и психологии

Казанский национальный исследовательский технологический университет

andmor@mail.ru

ПРОТЕКЦИОНИЗМ И КУМОВСТВО: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ТРУДОУСТРОЙСТВА БЕЗРАБОТНЫХ В 1920-Е ГГ. В ТАТАРСТАНЕ[©]

1920-е годы в полной мере показали всю шаткость и призрачность Советской власти, имевшей весьма слабую опору даже в пролетарской среде. Реализация социалистической идеи шла с огромным трудом. «Самой большой неожиданностью для новой власти, – писал историк М. Я. Геллер, – в первые месяцы после революции оказалось нежелание работать, выраженное пролетариатом. В соответствии с теорией было естественным, что против пролетарской революции выступают ее естественные враги – представители буржуазных классов. Все теоретические предсказания нарушил отказ рабочего класса, от имени которого и для которого партия совершила революцию, трудиться» [11, с. 117]. И для этого имелись объективные причины: обвальное сокращение производства и размера заработной платы. В 1919 г. объем валовой промышленности снизился по сравнению с 1913 г. в 6 раз, а число рабочих в промышленности – почти вдвое. Производительность труда начинает стремительное падение в 1917 г., достигнув в 1920 г. 27,1% уровня 1913 года [Там же, с. 118]. Положение крестьян было значительно лучше положения рабочих, класса-гегемона, от чьего имени была сделана революция. «Девять лет после Октябрьской революции рабочие основных отраслей нашей промышленности не смеют даже мечтать о довоенной зарплате» [12, с. 214-215]. М. Горький писал в связи с этим: «Труд стал постыдно небрежен, как-то особенно злостно бестолков» [13].

Если даже пролетарии с тоской вспоминали дореволюционную стабильность и достаток, то что уж говорить о так называемых «бывших людях» (дворянах, буржуазии, духовенстве, офицерстве и др.), составивших в Советской России целый класс «лишенцев», т.е. людей третьего сорта, лишенных всех гражданских прав и свобод. Их положение было еще более тяжелым и неприглядным: зачастую они не имели возможности получить легальными путями хоть какую-то мало-мальски оплачиваемую работу или службу.

В этих условиях еще с начала 1920-х гг. повсеместно распространились достаточно традиционные для России практики трудоустройства с помощью так называемого «кумовства» и протекционизма. Эти практики использовались как «бывшими людьми», так и пролетарскими массами, быстро усвоившими в период нэпа соответствующие образцы поведения. Изучение этих неформальных «знакомственных» практик трудоустройства, имевших, как правило, нелегитимный характер, на примере одного из регионов России – Татарской республики – и является целью данной статьи. Подобное исследование может выявить как региональную специфику, связанную с национально-культурными особенностями Татарии, так и общие для всех регионов России тенденции в области применения данных неформальных практик трудоустройства.

Еще в «Горе от ума» (1833 г.) А. С. Грибоедов высветил проблему кумовства и протекции. Так, Фамусов в разговоре со Скалозубом отмечает:

«Нет! я перед родней, где встретится, ползком;

Сыщу ее на дне морском.

При мне служащие чужие очень редки;

Все больше сестрины, свояченицы детки;

Один Молчалин мне не свой,

И то затем, что деловой.

Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку,

Ну как не порадовать родному человечку!...» [14, с. 42].

Проблема трудоустройства в 1920-е гг. усугублялась значительным количеством безработных. Абсолютная численность безработных, зарегистрированных биржами труда, в период нэпа возросла с 1,2 млн чел. в начале 1924 г. до 1,7 млн чел. в начале 1929 г. Основным источником безработицы в эти годы служили: массовый отток рабочей силы из деревень в город; возвращение фабрично-заводских рабочих в связи с ростом производства, увеличением реальной заработной платы и улучшением условий жизни в городе; массовое высвобождение избыточных низкоквалифицированных работников.

В 1922 г. органы распределения рабочей силы, действовавшие в период военного коммунизма, были реорганизованы в биржи труда, получившие монопольное право осуществлять все операции по найму и распределять работу в порядке общей очереди между безработными по принципу наибольшей нужды. Зарегистрированные безработные получали льготы по уплате налогов и коммунальных платежей, что усилило поток лежбезработных, имевших определенные доходы, а зачастую и занятия. «Чистки» 1922-1924 гг. позволили снять с учета бирж труда от 40 до 60% таких лежбезработных. В 1924 г. льготы зарегистрированным безработным были отменены и де-факто был разрешен вольный найм помимо бирж труда. Де-юре это произошло чуть позже на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке найма рабочей силы» от 4 мая 1925 г.

За хозяйственными органами было закреплено право самостоятельного найма рабочих необходимой квалификации с последующей регистрацией сделок в органах труда, а безработные получили право на индивидуальный поиск рабочего места. Однако добровольное трудовое посредничество «от ворот» еще больше развило кумовство и протекционизм [2, с. 301-302].

Кроме того, неорганизованность регистрации безработных, предлагавших свой труд, и возможность бирж труда направлять безработных только на общественные работы и в коллективы безработных, привели к тому, что на бирже труда были сконцентрированы, главным образом, неквалифицированные рабочие и лица, прикрывавшие свое социальное положение регистрацией. Поэтому перед Наркомом труда (НКТ) был поставлен вопрос о пересмотре условий регистрации безработных. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 4 марта 1927 г. был вновь введен запрет на использование услуг частных посредников при подборе рабочей силы, а в соответствии с директивой НКТ СССР от 20 марта 1927 г. право регистрации на бирже труда получали строго определенные категории лиц, проживающие в районе деятельности биржи труда.

Уже в начале нэпа, как показывают источники, кумовство стало приобретать широкий размах. Так, в Казанском Кредитартельсоюзе под лозунгом пролетаризации «увольняется кучер, кассирша, рассыльный, а буржуи, дворяне, которых убрали из правления, не увольняются» [53]. Сокращение рабочих на заводе им. Вахитова, по мнению рабочего корреспондента, произошло «по-головотяпски». Многих рабочих уволили, а оставили тех, «у кого на заводе есть сват, брат или кум» [39]. Инвалид гражданской войны А. М. Тябин сообщал в газету о том, что его жена, давно стоящая в очереди на бирже труда, не может получить работу. Особенно возмутило его то обстоятельство, что когда дошла очередь послать Тябину на работу в качестве чернорабочей, ей заявили: «...другого пошлем... вы не состоите в союзе» [45]. Председатель Казанской биржи труда Дерунов на четвертом областном съезде профсоюзов Татарии (1923 г.) отметил: «Я работаю на бирже труда два месяца. Мне досталось в наследство в столе два ящика записок» о трудоустройстве различных лиц по просьбам советских, партийных и хозяйственных руководителей Казани и республики [49].

Да и позднее, в середине 1920-х гг., кумовство не исчезло, оно проникло во все сферы советской действительности. На одной из казанских беспартийных конференций 1925 г. было отмечено, что по-прежнему «наблюдаются случаи приема на работу по кумовству». Один из руководителей признал: «Кумовство действительно есть. Сына курьера в Госбанке, получающего гроши, на службу не берут, а вот пришла барышня в шляпке, так ей работа нашлась» [6].

В сатирическом стихотворении В. Маяковского «Протекция» (1926 г.) феномен протекционизма был вскрыт во всей его неприглядности. Образы протекционеров – «нужных человечков», «друзей во ВЦИКе» и других «винтиков» всемогущего госаппарата – были характерными и узнаваемыми для того времени. В стихотворении отмечалось: «...а попробуй – полазий без родственных связей!» – «покроют дворники словом черненьким... Подвернется нога, перервутся нервы». Сложно советскому человеку куда-либо устроиться, не имея протекции. Поэт рисует вопиющую оторванность аппарата от народа: «...а разных главных неуловимо шоферы возят и возят мимо. Не ухватишь – скользкие, – не люди, а налимь. “Без доклада воспрещается”. Куда ни глянь». Поэт призывает: «Кто бы ни были сему виновниками – сошка маленькая или крупный кит, – разорвем сплетенную чиновниками паутину кумовства, протекций, волокит» [21].

В 1928 г. НКТ СССР обследовал ряд крупнейших бирж труда. Многочисленные факты кумовства при трудоустройстве безработных были выявлены на трех сибирских биржах труда – Красноярской, Новосибирской и Иркутской [41, с. 181-182]. За протекционизм и кумовство при посылке на работу были привлечены к судебной ответственности сотрудники Николаевской, Харьковской, Иваново-Вознесенской и Ленинградской бирж труда [35]. Во время летней чистки 1929 г., проведенной Наркомтруда РСФСР, из бирж труда за эти же нарушения было уволено еще 200 работников [50].

Нарком труда СССР В. Шмидт в 1928 г. подчеркивал, что протекционизм – явление, развивавшееся сверху – по записочкам членов горсоветов, профсоюзов, РКП(б), парторганов: «Пишут все кому не лень», «...мы имеем колоссальный нажим на биржи труда со стороны прокуратуры, исправдомов, женотделов, собесов, других организаций, которые просят принять в первую очередь вдову или социально-исправляющийся элемент, чтобы в дальнейшем он не погиб; в первую очередь послать на работу сирот, одиноких женщин и т.д. Нельзя допустить и этого, иначе биржи труда превратятся в органы по исправлению всяких социальных бедствий. У нас много бедствий. Понятно, что желательно помогать всем обездоленным и угнетенным, но мы на себя взять такую роль не в состоянии. Мы призываем бороться с напором, который идет на биржу как по линии отдельного протекционизма, так и по линии использования авторитета; он во всех видах срывает нашу работу, и дальше терпеть его мы не хотим и не можем» [29].

В Татарской республике протекционизм, кроме того, приобрел и национальную специфику, связанную с коренизацией аппарата. Так, нарком труда республики Б. Н. Нургалеев отмечал: «Есть ряд фактов, когда эти

мероприятия проводятся за счет нетрудовых, торгашеских элементов, которых навязывают предприятиям и учреждениям под видом коренизации». «Такое явление вызывает справедливое недовольство в рабочей массе» [22]. Да и позднее эти недостатки не были изжиты. Один из корреспондентов писал о том, что «коренизация аппарата проводится скверно». Состав безработных биржу труда не интересует, посылаются на работу торговец Бушуев, дочь бывшего коннозаводчика Тенишева, зарегистрированы как безработные бывший фабрикант Эккерт, торговцы Дудкин и Галиханов [48].

В одной из статей конца 1920-х гг. отмечалось: «Стоит иногда одному ответственному товарищу порекомендовать неизвестного организации работника, как ему поручается большая работа. А он потом тащит за собой целый хвост» [31]. Из всех разновидностей этого феномена наиболее опасными были протекционизм и кумовство среди работников биржи труда, имевших монопольные властные полномочия для трудоустройства. Поэтому в республике в середине 1920-х гг. была создана специальная комиссия по борьбе с протекционизмом и наймом помимо биржи труда, правда, не получившая никаких реальных прав, а потому и не развившая никакой активной деятельности.

Протекционизм на бирже труда шел рука об руку с взяточничеством и другими преступлениями. Так, работник казанской биржи труда, зав. секцией народного питания Мингалеев под видом «коренизации» аппарата трудоустроил бывших заводчиков и спекулянтов Аитова и Изатуллина, домовладельца Азимова, нэпмана Чукина, бывшего торговца мануфактурой Курбангалеева. «Все они находят у Мингалеева поддержки и сочувствия больше, нежели тысячи настоящих безработных. И это происходит, несмотря на протесты отдельных честных работников биржи труда» [17]. Мингалеев выпивал с теми, кого посылал на работу, и принимал от них подарки «за оказанные услуги».

Безобразия творились и в других секциях биржи труда. В секции чернорабочих, «где сотни безработных ежедневно требуют работы, издавна практикуется так, что на работу посылаются по особому выбору». «Ежедневно зав. секцией Усманов уносит домой все требования на рабочую силу и “домашним порядком” выбирает, кого послать». «У зав. секцией гарантийного страхования кумовство и знакомство играют решающую роль». Левкин, зав. столом спроса, посылал на работу исключительно тех, кто его угощал выпивкой, а зав. секцией железнодорожников ультимативно предложил устроить на работу свою жену, пригрозив: «Если не устроишь – буду скрывать поступающие к тебе требования...» [33]. Зав. секцией строителей Веселов при отправке на работу отдавал предпочтение родственникам. Зав. секцией квалифицированной рабочей силы Ю. С. Айзенберг отказался принять на учет специалистов по пушному делу, при этом зарегистрировав бывших торговцев Боброва, Басина, Ефремова и Ахметзянова. «Некоторые работники биржи, – писал корреспондент, – как видно, совершенно утратили свое классовое лицо и на глазах у всех творят преступления, другая часть сумела скрыть свои “дела”, третья – это честные, преданные работники, может, и знают о безобразиях, творящихся на бирже, но боятся о них говорить: скажи – уволят» [17].

В период демонополизации найма рабочей силы кумовство еще более выросло. В корреспонденциях вскрывались сотни фактов «кумовства» и протекционизма, приема «своих людей» на работу в Коммунальный трест мелких предприятий, заводы им. М. Вахитова, «Красный Восток», «Красный Октябрь», Казанский центральный рабочий кооператив (КЦРК), фанерный завод № 7 и др. [16; 18; 24; 42; 51]. По фамилии техника треста мелких предприятий Протопопова подобная политика трудоустройства была даже названа «протопоповщиной». «Кумовство распустило свои корни слишком глубоко». При этом многие «кумы», «сваты» и «свойки» даже не были членами профсоюзов [27]. Один из очевидцев писал по поводу завода им. М. Вахитова, что «не мешало бы заводскому обследовать, как принимаются работники, посылаемые биржей труда» [43]. Такая ситуация имела место и во многих кантонах республики, например Тетюшском и Бугульминском [4].

Снять занявших рабочие места по протекции было практически невозможно. В качестве иллюстрации приведем следующий случай. 15 декабря 1927 г. в Управление лесами Наркомзема устроились по протекции две машинистки: одна – сестра жены зам. начальника этого управления Украинцева, а другая – жена начальника устройства лесов госфонда Новоросова. Прием на работу этих сотрудниц с биржей труда согласован не был, и 8 февраля 1928 г. один из работников лесопромышленного управления сообщил об этом председателю союза сельхозрабочих и в биржу труда. Но ни союз, ни биржа не поспешили с расследованием, и работник обратился в Наркомюст, который 5 марта поручил Наркомтруда разобраться с этим делом. Расследование подтвердило упомянутые факты, но прошло почти полгода, а решений так и не было принято. Автор заметки в местной газете писал: «Бюрократам с протекционерами бороться нельзя, товарищи!» [44]. Еще точнее это выразил один из активных сторонников кумовства: «Будем браковать, пока нашего не пришлют» [8; 9].

Широкое распространение получили на бирже труда и «записочки» от разного уровня руководителей. Разновидность подобных записок – именные требования на посылку конкретного человека. В 1920-е гг. был принят ряд постановлений об их запрещении, но их поток так и не был остановлен. Например, зав. бюро труда в Бугульме, кандидат в члены ВКП(б) по записочке направил жену председателя горсовета Глазова в детсад, а свою жену на работу в яичный склад Госторга [55]. Зав. Бугульминским отделом Татторга Галимов устроил свою жену в своей же конторе. «Ни биржа труда, ни профорганизация не знают, как это случилось» [54]. В ходе одной из проверок Казанской биржи труда было обнаружено 26 записок – 25 от союза работников народного питания и одна от казанского судьи 7-го участка Г. Х. Байбекова, написанная на фирменном бланке суда, следующего содержания: «Тов. Мингалеев, предъявитель сего – мой брат, нельзя ли его, если возможно, назначить на пароход официантом» [19].

Вот еще одна анекдотическая история. «В Биржу труда. Дирекция театра просит командировать на временную работу в помощь технику-строителю т. Петрову десятника по его выбору. Врид директора театра (подпись)». Петров приводит на биржу труда бывшего крупного казанского махорочного фабриканта Эккерта. Аргумент Петрова таков: «...мне даже, знаете ли, не десятник нужен, а честный человек». Когда биржей Петрову был предложен коммунист, он отказался: «Да знаем мы, будет он такой же честный, как все коммунисты» [1].

Только в одну организацию – КЦРК – по различным записочкам с ноября 1927 по июнь 1928 г. было принято 25 родственников и друзей. «Рабочие протестуют против разыгравшейся вакханалии с приемом “родных человечков”, рабочая масса возмущается бесцеремонным обходом биржи труда» [40]. Приводился случай с домовладельцем Пахомовым, имевшим собственный двухэтажный дом и посланным биржей труда на работу в Татаро-Башкирскую школу. «Не по протекции ли сына, служащего на бирже, Пахомов получает работу?» [34].

Весной 1928 г. уполномоченный ВЦСПС Карташев обследовал деятельность Казанской биржи труда. Он выявил, что «руководства профсоюзами работой биржи труда нет. Комитет биржи труда не работает. Наем рабочей силы помимо биржи труда настолько значителен, что биржа теряет свое значение». В 1928 г. завод «Красный Восток» принял через биржу труда одного человека из 26 трудоустроенных, а завод им. Вахитова принял через биржу 49 человек, а помимо – 71. За 1927 г. из 21 тыс. принятых на работу биржей был послан 21% не членов профсоюзов, при наличии их на бирже 75% и помимо биржи не членов было принято 27%. Следовательно, члены профсоюзов при посылке на работу не имели никаких преимуществ [37].

На III пленуме ОКК-РКИ республики (1928 г.) нарком Галеев вновь отметил многочисленные факты посылки на работу «по записочкам», регистрацию на бирже труда 229 человек, не имевших на это права [47]. Записки адресовались теми или иными ответственными работниками республики и Казани руководству биржи труда и страховой кассы: «Многоуважаемому тов. Резванову» (заведующему операционным отделом), «дорогому товарищу Щербакову» (председателю страховой кассы) [26] и др. Вот несколько примеров таких записок. «Служебная записка. Казанский городской совет рабочих и красноармейских депутатов. Тов. Резванов! Избавь от особой волокиты и формальности сию подательницу. Вообще окажи содействие в ее просьбе». Резолюция Резванова: «Выдать вне очереди». «Тов. Суханов вместе со мной работал в течение 3 лет. Заверяя это, прошу оказать содействие – устроить ему пособие как безработному или инвалиду». Проситель получил пособие по безработице. Или еще: «Будь любезен, устрой пособие. Я подателю сего дал обещание». В столах руководителей было обнаружено более 200 записок такого содержания. Вот и создавалось впечатление от подобных фактов, что «простому смертному пробиться к столу выдачи пособий в страховой кассе необычайно трудно», лучше сразу найти содействия у мужчины «маленького роста, огромного чина». Комиссия приняла решение впредь все записочки передавать в РКИ, а работников, способствующих развитию протекционизма, наказать [15].

Однако и летом 1929 г. ситуация мало изменилась. «Налетчики» сообщали о многочисленных фактах нарушений в деятельности биржи труда и Крайкомсоцстраха. Так, некто Хомяков отмечал, что он видел на бирже труда, как в комнаты заведующих секциями проходят «люди с портфелями» и знакомые заведующих без очереди, нарушая порядок приема и раздражая безработных. Не изменилось по сравнению с весной и положение в Крайкомсоцстрахе. Заведующая операционным отделом Замалетдинова давала записки своим знакомым, чтобы их без очереди пропускали в кабинеты чиновников. Налетчики делали вывод, что «комиссия по чистке аппарата биржи труда и Крайкомсоцстраха, видимо, должна была обратить особое внимание на состав сотрудников и умение их иметь дело не только с бумагами, но и с людьми» [52].

Торговые и производственные предприятия также страдали от «паутины кумовства». В магазине «Санитария и гигиена», организованном Управлением коллективами безработных при бирже труда, пристроился бывший торговец Аброй. Корреспондент восклицает: «Неужели для таких лиц создаются коллективы безработных» [32]. В коллективе безработных портных была трудоустроена жена крупного торговца Бахтеева, «для того чтобы не платить налог за квартиру 100 руб.». Там же были устроены «одна подруга работающей в райкоме», жена владельца магазина готового платья Перимова, дочери торговцев, жены бандитов [25]. На глазах у многих ответственных лиц прошла, например, история с женами торговцев-домовладельцев Братухиной и Парамоновой, которые фиктивно «развелись» с мужьями, а потом устроились работать на пошивочной фабрике «Им. Коминтерна» под вымышленными фамилиями Лазаревой и Козиной [7]. Поэтому довольно издевательски выглядит следующее заявление в местной газете о том, что «тройка РКИ при бирже труда поставила свою работу так, что редкий случай протекционизма, кумовства и другие недостатки проходят мимо нее» и что «благодаря ее деятельности не один работник получил заслуженную кару, а безработные работу» [10].

Какие меры принимались к лицам, создавшим разветвленную систему кумовства и протекционизма, способствовавшим своей «деятельностью» на государственном уровне этим порочным явлениям, в частности, на бирже труда? В мае 1928 г. по решению коллегии Татнаркомтруда были сняты с работы зам. зав. биржей труда Мингалеев, зав. секцией нарпита Мингалеев, зав. секцией гарантийного страхования Малов, секретарь комитета биржи труда Бектимиров, регистраторша секции чернорабочих Утямышева, регистраторша секции квалифицированных рабочих Алексева. Левкин был не только снят с работы, но и привлечен к судебной ответственности. Айзенбергу и Усманову были объявлены выговоры [30]. Весной 1929 г. во время второй чистки из 25 работников комитета биржи труда было снято «без права занятия административно-

хозяйственных должностей в течение года, за бюрократическое отношение к требованиям рабочих, невнимательное отношение к посетителям» четыре сотрудника: «сын заводчика, дочь полковника и еще два работника, своим поведением вызывающих возмущение безработных», в том числе и зам. председателя биржи труда Усманов [28, д. 21, л. 13; 31].

Однако реально аппарат биржи труда до момента их ликвидации в 1930 г. был весьма далек от защиты интересов безработных масс [5]. «Зав. биржей Егоров не принимает особых стараний к тому, чтобы аппарат работал более четко», «принимает на учет и посылает на работу по записочкам. Таким образом попала на биржу машинистка Мичурина, ряд домовладельцев», деятельность биржи носит беспланный характер, никакой борьбы с приемом на работу помимо биржи труда не ведется [3]. Так, за третий квартал 1929 г. помимо биржи труда в Наркомзем принято 97%, в швейную фабрику им. III Интернационала – 40%, в тубдиспансер – 100% работников. В результате по СССР во время «чистки» 1929 г. с бирж труда было снято 25,3% безработных [23; 38].

В итоге Казанская биржа труда, по мнению действительных безработных, была «засорена социально-чуждым и даже классово-враждебным элементом». Регистрация на бирже труда являлась для них отличным средством социальной маскировки, чтобы скрыть свое подлинное классовое лицо. Таким образом, при наличии почти 17 тыс. зарегистрированных безработных предприятия не получали рабочих. Осенью 1929 г. не явились по вызовам биржи труда для посылки на работу 450 чел., 253 повестки не были доставлены из-за сообщения безработными ложных адресов, добровольно снялись с учета 200 чел., 38 было снято с учета за отказ от работы [20].

Среди действительных безработных зрело серьезное недовольство политикой Советской власти, что нашло отражение и в ряде писем к руководству республиканских профсоюзов. В частности, одно из писем было напечатано в апреле 1928 г. от имени члена союза химиков, безработного с 1924 г. И. Т. Кулешова [46]. По его мнению, с 1922 г., с начала нэпа, в рабочих отсутствует «революционный дух ко всему окружающему», советский рабочий «задавлен и загнан в подполье», честных рабочих увольняют с предприятий, выбрасывают на улицу под видом сокращений. «И вот в этом контрреволюционном заговоре... виновато всецело правительство СССР и компартия». Кулешов обвинял Советскую власть в содействии засорению хозяйственного и советского аппарата «бывшими людьми», в создании нового правящего класса, оторванного от рабочих и крестьян, в чудовищной дифференциации общества по доходам. В письме, по сути, говорилось о полном банкротстве советской социальной политики и необходимости ее изменения путем развития «сильной материальной обеспеченности рабочих».

В официальном ответе председателя Татарского совета профсоюзов Я. И. Боярского (Шимшелевича) отмечалось, что в письме Кулешова «больше чувств, чем взглядов», что безработный видит советскую жизнь через «черные очки» и «не видит много из того, что есть», «видит даже то, чего нет в поле зрения». Однако и Боярский должен был признать: «совершенно естественно, что длительная безработица может вызвать те пессимистические настроения, которыми проникнуто его письмо, и ту озлобленность и раздражительную критику, которыми оно дышит» [Там же].

Одной из причин такого негативного отношения безработных к политике Советской власти как раз и являлось наличие неформальной практики кумовства и протекционизма, позволявших предприимчивым лицам легко обходить сотни людей, годами ждавших на государственных биржах труда хоть какой-либо работы. Протекционизм при получении службы или работы разлагающе действовал на действительно нуждающихся в работе, лишенных куска хлеба для обеспечения своих семей, так как позволял получить работу не наиболее квалифицированным и компетентным специалистам и работникам, а родственникам и знакомым, а зачастую и так называемым «бывшим людям» и прямым противникам нового строя в обход всех существующих законов и вне зависимости от их профессиональных достоинств. Кроме того, эта, так сказать, «система трудоустройства» имела явно коррупционный характер, подпитывалась взятками и злоупотреблениями служебным положением.

Борьба с протекционизмом и кумовством при трудоустройстве лиц, ищущих работу, в Советской России не увенчалась успехом. В этой неудаче определяющими факторами стали как укорененность практики кумовства и протекционизма в традиции российской жизни, так и отсутствие каких-либо реальных государственных органов, специально занимавшихся решением этой проблемы.

Нужно признать, что неудача в этой борьбе, как и многие другие негативные моменты советской жизни, в значительной степени дискредитировала социальную политику правящей коммунистической партии и еще раз вскрыла глубокий разрыв между реальной действительностью и идеологическими декларациями о том, что в СССР рабочему классу живется хорошо и вольготно.

Список литературы

1. А. К. Петров выбирает честного человека // Красная Татария. 1929. 21 сентября.
2. Авдонина Л. А. Архивные документы как источник по изучению технологии трудоустройства безработных граждан Томской биржей труда в 1920-е гг. // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: мат-лы II всерос. науч.-практ. конф. (г. Томск, 27-28 окт. 2005 г.) / под ред. проф. О. А. Харусь. Томск, 2006.
3. Без руля и без ветрил // Красная Татария. 1929. 3 октября.
4. Безработный. Есть знакомые – на работу попадешь // Там же. 1928. 7 июля.
5. Берзин Г. Чистка аппарата проходит без широкого участия трудящихся // Там же. 1929. 11 октября.

6. Беспартийные конференции: конференция городского района // Там же. 1925. 15 ноября.
7. «Бывшие люди» на советской пенсии // Там же. 1928. 19 июня.
8. Бюрократические заминки // Там же. 25 мая.
9. В. М. Корни протекционизма // Там же. 18 мая.
10. Г. Ф. Вот так надо работать // Там же. 1929. 10 октября.
11. Геллер М. Машина и винтики: история формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
12. Геллер М., Некрич А. История России: 1917-1995. М.: МИК; Агар, 1996. Т. 1. Утопия у власти: 1917-1945.
13. Горький М. Беседы о труде // Известия ТатЦИК. 1920. 20 августа.
14. Грибоедов А. Горе от ума. Пьесы. Стихотворения. М.: Эксмо, 2010.
15. Д-ви Э. Дружеские записки // Красная Татария. 1928. 10 ноября.
16. Дело КЦРК // Там же. 13 июля.
17. Еселев М. Сегодня без красок, только факты // Там же. 26 мая.
18. Забыли о советских законах // Там же. 1929. 1 июня.
19. «Записочкам» надо положить конец // Там же. 1928. 30 мая.
20. Иванов С. Очистим биржу труда от лжебезработных // Там же. 1929. 7 сентября.
21. Известия ЦИК. 1926. 6 июня.
22. Извращения при коренизации // Красная Татария. 1928. 8 мая.
23. Итоги проверки безработных: кто подлежит снятию с учета биржи труда // Там же. 1929. 25 июля.
24. Лесной Е. Как не устроить знакомого // Там же. 1928. 27 июля.
25. Любовь С. Коллектив из жен торговцев // Там же. 7 июля.
26. Мювич С. П. Щербаков опровергает... // Там же. 1929. 7 февраля.
27. Н. С. Про «тетенькин хвостик»: о протекционизме и кумовстве при приеме на работу // Там же. 1928. 3 июля.
28. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1015. Оп. 1.
29. Не срывайте работу бирж труда: статья Народного комиссара труда СССР т. В. Шмидта // Красная Татария. 1928. 27 июля.
30. «Носителей зла» снять с работы // Там же. 30 мая.
31. О протекционизме и «хвостах» // Там же. 1 июня.
32. Обо всем понемногу: из писем рабочих // Там же. 3 июля.
33. Очевидец. Страшает милицией // Там же. 1930. 16 февраля.
34. П-в. Обо всем понемногу: из писем рабочих // Там же. 1928. 23 июня.
35. По союзу республик: обследование бирж труда // Там же. 6 мая.
36. Постановление выездного заседания бюро жалоб РКИ // Там же. 1929. 27 апреля.
37. Представитель ВЦСПС обследовал состояние Комитета Биржи труда // Там же. 1928. 16 мая.
38. Проверка состава безработных // Там же. 1929. 7 июля.
39. Рабочий. Не солоно хлебавши // Известия ТатЦИК. 1923. 30 ноября.
40. Распустилось пышным цветом кумовство: рассадник протекционизма – КЦРК // Красная Татария. 1928. 20 июня.
41. Савин О. И. Участие профессиональных союзов в борьбе с безработицей на территории Красноярского края накануне индустриализации // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-2 (64). С. 181-182.
42. Свой. Хитроумная пертурбация // Красная Татария. 1928. 27 июля.
43. Стебунов Е. В обход закона // Там же. 7 июля.
44. Сэм. Своя своих не познама // Там же. 10 апреля.
45. Так ли надо поступать // Известия ТатЦИК. 1923. 8 декабря.
46. Товарищ Кулешов на неправильном пути: письмо безработного химика тов. Кулешова и ответ председателя ТСПС – тов. Боярского // Красная Татария. 1928. 24 апреля.
47. Третий Пленум ОКК-РКИ: доклад тов. Галеева о работе ОКК-РКИ // Там же. 22 мая.
48. Трудно разобраться // Там же. 1929. 3 октября.
49. Четвертый областной съезд профсоюзов: отчет НКТ // Известия ТатЦИК. 1923. 18 декабря.
50. Чистка аппарата Наркомтруда РСФСР // Красная Татария. 1929. 27 июня.
51. Член союза. Все видят, а мер не принимают // Там же. 1928. 7 июля.
52. Что сделано по реорганизации аппарата? // Там же. 1929. 1 сентября.
53. Чужой. Рабочих увольняют, а дворян оставляют // Известия ТатЦИК. 1923. 28 ноября.
54. Шило. Как это случилось?.. // Красная Татария. 1929. 17 сентября.
55. Шило. Чернышев протектирует // Там же.

**PROTECTIONISM AND NEPOTISM: INFORMAL PRACTICES
OF THE UNEMPLOYED JOB PLACEMENT WITHIN TATARSTAN IN THE 1920S**

Andrei Viktorovich Morozov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Social Work, Pedagogy and Psychology
Kazan' National Research Technological University
andmor@mail.ru

The author considers the informal practices of the unemployed job replacement within Tatarstan in the 1920s and pays special attention to the research of protectionism and nepotism phenomenon specifics and its influence on the working class well-being during the New Economic Policy period.

Key words and phrases: unemployment; unemployed; unemployed job replacement; labor exchange; protectionism; nepotism.